Между «агентами модернизации» и крестьянской инициативой: неразрешенные вопросы истории российской кооперации

Рецензия на книгу: Сафронова А. Блеск и нищета российской кооперации. Как народ приучали к современности, 1860–1930. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 448 с. ISBN 978-5-4448-2583-9

А. Н. Зубков

Артем Николаевич Зубков, председатель Комитета Воронежской областной думы по вопросам местного самоуправления и средствам массовых коммуникаций. 394018 г. Воронеж, ул. Кирова, д. 2. E-mail: art-zubkov@yandex.ru

EDN: XJABOU

Монография Анны Сафроновой, вышедшая в 2024 году в русском переводе с французского оригинала 2023 года, представляет радикальный пересмотр устоявшихся представлений о российском кооперативном движении. Книга заслуживает особого внимания не только как первая попытка цельного анализа российской кооперации от истоков в 1860-х годах до сталинского «великого перелома» 1929–1930 годов, но и как вызов традиционной историографической трактовке кооперативов как воплощения гражданского общества и низовой демократической самоорганизации.

Центральный тезис Сафроновой провокационен: кооперативы в России были не столько проявлением автономной гражданской активности, сколько гибким инструментом модернизации в руках просвещенных элит, причем эта функциональная логика сохранялась как при царской, так и при большевистской власти. Автор утверждает структурную преемственность между дореволюционной и советской кооперацией, выявляя общий паттерн «приучения к современности» — навязывания «отсталым» массам новых форм экономического поведения агентами модернизации. Подобная интерпретация резко контрастирует с влиятельной традицией, восходящей к работам А. В. Чаянова и его последователей, рассматривавших кооперацию как органическую форму крестьянской самоорганизации и альтернативу капиталистическому развитию деревни.

Методологическая оригинальность исследования состоит в отказе от нормативного подхода к кооперации. Сафронова демонстрирует эпистемологическую слабость идеализированного образа

«настоящего» кооператива, восходящего к рочдельским принципам 1844 года. Она предлагает рабочее определение кооператива как многофункционального инструмента модернизации — совокупности практик и дискурсов конкретной социальной группы (агентов модернизации), направленных на преобразование общества. Такой подход позволяет включить в анализ весь спектр организаций, называвших себя кооперативами, от кредитных товариществ до гаражных кооперативов, от потребительских обществ до промысловых артелей.

Впрочем, именно здесь возникает первая серьезная проблема, на которую обратил внимание в своей критической рецензии Штефан Мерль. Немецкий историк-русист указывает, что определение Сафроновой слишком широкое и не учитывает базовые характеристики кооператива: автономию членов в принятии решений, добровольность членства и намерение предоставить преимущества своим участникам[1]. Мерль справедливо замечает, что советские потребительские кооперативы с обязательным членством и сельскохозяйственные кооперативы, после 1927 года вынужденные выполнять обязательные государственные заказы в ущерб интересам членов, не должны классифицироваться как кооперативы. Отказ от минимальных критериев превращает понятие «кооператив» в аналитически бесполезную категорию, охватывающую любые организации, использовавшие это самоназвание.

Более того, Мерль выявляет ключевую фактическую ошибку в аргументации Сафроновой. Ее утверждение о «централизованном управлении» кооперативами в царской России не соответствует действительности: центральной организации кооперативов до 1912 года не существовало[2]. Министерство внутренних дел блокировало создание союзов из страха перед революционными силами. Петербургский комитет содействия сельскохозяйственным кооперативам, на который ссылается Сафронова, был общественным институтом без административных или финансовых ресурсов для «контроля» над кооперативами. Московский союз потребительских обществ, основанный в 1898 году, до 1912 года объединял лишь около 5% потребительской кооперации. Это подрывает центральный тезис книги о сходстве «контроля» над кооперативами при царизме и большевиках.

Действительно, как показывают современные исследования российской кооперации, ситуация была гораздо сложнее. А. В. Соболев, В. М. Пахомов и А. С. Рыкалин в своей работе о фундаментальных проблемах кооперативов подчеркивают, что российская кооперация развивалась в русле двух теоретических парадигм —

1. *Merl S.* (2025). [Рец.] Сафронова А. Блеск и нищета российской кооперации. Как народ приучали к современности, 1860–1930 // Пути России. Т. 3. № 3. С. 236.
2. Там же. С. 235–236.

неоклассической экономической теории и новой институциональной экономики[3]. Если в неоклассической традиции кооперативы рассматривались как форма вертикальной интеграции крестьянских хозяйств (концепция И. В. Емельянова), то неоинституциональная теория акцентирует внимание на проблемах прав собственности, трансакционных издержек и институциональных разрывов между формальными правилами и неформальными практиками. Сафронова фокусируется исключительно на дискурсивном уровне, игнорируя реальные экономические функции кооперативов и их значение для крестьянских хозяйств.

Еще одна серьезная проблема связана с тем, что Сафронова уделяет недостаточно внимания реальным интересам и практикам рядовых членов кооперативов. Как справедливо отмечает Мерль, книга сосредоточена на «кооперативном дискурсе» элит, тогда как голос «простых людей» остается почти неслышным. Между тем современные полевые исследования российской кооперации демонстрируют иную картину. О. Б. Божков, А. М. Никулин и И. К. Полещук в своей работе о сельской кооперации в Северном Нечерноземье показывают важность «симбиоза» формальных и неформальных практик кооперации на местах[4]. Авторы вводят понятие «эксполярных экономик» (Т. Шанин), подчеркивая, что между глобальными институциональными силами государства и рынка присутствует богатый мир неформальных экономик домохозяйств и сообществ, часто со своими кооперативными практиками. Именно эти низовые практики взаимопомощи и солидарности, не всегда оформленные юридически, обеспечивали выживание и развитие сельских территорий.

Концепция «агентов модернизации» Сафроновой, безусловно, продуктивна для анализа российской модернизации в целом. Она объединяет разнородные социальные группы — аграрных экономистов-либералов, умеренных социал-демократов, немарксистских социалистов, большевиков-кураторов — выявляя их общую функцию воздействия на «темные массы» во имя их блага, но без учета их собственных интересов и смыслов. Однако, как показывает Мерль, инициатива создания кредитных кооперативов после 1904 года исходила не от кураторов или государственных инспекторов, а от особой группы посредников — сельских учителей и священников, живших в прямом контакте с крестьянами. Министерство финансов осознавало необходимость таких местных инициаторов

3. *Соболев А. В.*, *Пахомов В. М.*, *Рыкалин А. С.* (2020). Сельскохозяйственные кооперативы: институциональный и региональный подтекст // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. № 1. С. 29–48.
4. *Божков О. Б.*, *Никулин А. М.*, *Полещук И. К.* (2020). Сельская кооперация в Северном Нечерноземье: официальные и неформальные практики // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 4. С. 889–904.

и даже оказывало давление на Православную церковь и Министерство образования, чтобы разрешить священникам и учителям заниматься организацией кооперативов и брать на себя оплачиваемую работу бухгалтеров.

Принципиально важным представляется вопрос о различии между «контролем» при царизме и при большевиках. Сафронова утверждает, что паттерн был схожим в обоих случаях. Мерль убедительно опровергает это утверждение. При царизме кооперативы сохраняли автономию от государства, даже если получали государственные займы. Райффайзеновские кредитные кооперативы не требовали паевых взносов, но получали государственный заём в уставный капитал, и именно поэтому государственный банк предписывал контроль над их финансами. Однако инспектора государственного банка не могли вмешиваться в решения общего собрания кооператива — они лишь предлагали решения для голосования. Этот контроль имел позитивный эффект: он способствовал формированию доверия к кредитным кооперативам, члены начинали вносить свои сбережения в качестве вкладов, усиливая их работу. При большевиках ситуация была принципиально иной: государство не уважало автономию членов, навязывало выполнение государственных заказов, нарушая интересы членов, и связывало кооперативы с классовой политикой, исключая «классово чуждых». Союзы превратились в организации контроля над кооперативами и их членами.

Французская исследовательница Каролин Файоль в своей рецензии на французское издание книги Сафроновой подчеркивает центральный парадокс: «В то время как рабочая автономия находится в сердце ассоцианистского идеала, поддерживаемого социалистами в Западной Европе, российский пример особенно показателен для возможного присоединения кооперативного движения к проекту “модернизации”, подразумевающему конфискацию власти действия у народных классов»[5]. Это наблюдение указывает на специфику российского кооперативного движения, но не отменяет того факта, что многие кооперативы все же предоставляли реальные преимущества своим членам и формировались по инициативе снизу.

Исследование Сафроновой игнорирует важные типы кооперативов. Как отмечает Мерль, автор практически не рассматривает сельские потребительские кооперативы (тип, существовавший только в России) и сберегательно-ссудные кооперативы, работавшие с паевыми взносами. Между тем эти формы организации развивались преимущественно снизу и не вписываются в схему «контроля элит». Сафронова уделяет внимание малочисленным промысловым

5. *Fayolle C.* (2024). Anna Safronova, Histoire des coopératives russes et soviétiques (1860–1930). Moderniser le peuple // Revue d’histoire du XIXe siècle. No. 69. P. 206.

артелям, которые едва ли были частью кооперативного движения, но упускает из виду массовые формы кооперации.

Вместе с тем нельзя отрицать значительные достоинства монографии Сафроновой. Книга опирается на впечатляющую источниковую базу: законодательные акты, делопроизводственную переписку министерств, отчеты политической полиции, сводки ГПУ, отчеты инспекторов кооперации 1896–1929 годов, протоколы собраний местных кооперативов, кооперативную периодику. Автор впервые вводит в научный оборот обширный массив документов, позволяющих реконструировать не только официальный дискурс, но и реальные практики, нарушения, конфликты. Отчеты инспекторов обнажают разрыв между формальными правилами и повседневным функционированием кооперативов: невыборность правлений, отсутствие собраний членов, использование средств не по назначению, фальсификацию отчетности.

Особую ценность представляет анализ периода НЭПа и перехода к сталинской коллективизации. Сафронова убедительно демонстрирует, как инструментализация кооперативов большевиками сопровождалась эрозией ассоциативных практик: плохое функционирование потребительских кооперативов дискредитировало их в глазах населения, цели производственных кооперативов извращались в интересах нечестных предпринимателей. Постепенное закрытие сельскохозяйственных кооперативов как «нерентабельных» подготовило почву для насильственной коллективизации. Как отмечает Файоль, после сталинского «великого перелома» мечта о «третьем пути» между либеральным капитализмом и коллективизмом оказалась «окончательно разбитой».

Данная книга вносит важный вклад в дискуссию о соотношении инклюзивных и экстрактивных институтов в российской истории. Опираясь на концепцию Д. Аджемоглу, С. Джонсона и Д. Робинсона (лауреатов Нобелевской премии по экономике 2024 года), можно сказать, что кооперативы в принципе являются инклюзивными институтами, нацеленными на включение широких слоев в экономическую и социальную жизнь[6]. Однако в российских условиях они часто превращались в экстрактивные институты, направленные на исключение большей части общества из процесса принятия решений и распределения доходов. Сталинская коллективизация довела эту тенденцию до логического завершения.

Сафронова справедливо критикует три историографических мифа: о кооперации как проявлении гражданского общества, о непреодолимой границе между обществом и репрессивной властью, о радикальном разрыве между дореволюционной и советской кооперацией. Однако, развенчивая эти мифы, автор создает новый — о тотальном контроле элит над кооперативным движени-

6. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* (2021). Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: АСТ.

ем. Реальность была гораздо более сложной и противоречивой. Как показывают современные исследования, в российской кооперации сосуществовали различные модели: от действительно подконтрольных государству или предпринимателям «карманных» кооперативов до подлинно низовых инициатив.

Особенно важным представляется вопрос о роли неформальных практик кооперации. Соболев обращает внимание на то, что в современной России кооперативы часто носят неформальный характер, значительно отклоняясь от классических кооперативных канонов, но главное, что такая кооперация обеспечивает выживание и развитие местных домохозяйств, малых форм бизнеса и локальных сообществ[7]. Этот феномен «симбиоза» формальных и неформальных практик требует чрезвычайно гибкой кооперативной политики, призванной преодолеть наследие исключительного бюрократического советского регулирования и возродить историческое наследие местной самоорганизации сельских сообществ. Сафронова фиксирует этот разрыв между формальным и неформальным, но недостаточно анализирует его значение для выживания кооперативных практик.

Монография Сафроновой ставит фундаментальный вопрос: возможно ли подлинное самоуправление «сверху»? Исторический опыт российской кооперации 1860–1930-х годов свидетельствует о глубоком противоречии в самой логике инициированного государством самоуправления. Навязывание формальных структур без органической социальной базы, финансовая зависимость от государства и использование в качестве инструмента контроля неизбежно ведут к имитации активности и дискредитации идеи самоорганизации. Впрочем, этот вывод требует существенной корректировки: государственная поддержка кооперации не всегда была негативным фактором. Как показывает Мерль, при условии соблюдения автономии членов ограниченная государственная поддержка на начальном этапе могла иметь позитивные эффекты и способствовать развитию подлинных кооперативов.

Современные исследования подтверждают сложность этого вопроса. Александр Куракин в своей рецензии на книгу М. П. Антоновой, Е. А. Гатаулиной, А. А. Потаповой и С. Н. Скоморохова о проблемах сельскохозяйственной потребительской кооперации отмечает, что «одной государственной поддержки здесь мало, какой бы продуманной и эффективной она ни была. Нужен еще запрос на кооперацию на низовом уровне, который в современной России выражен довольно слабо»[8]. Это обусловлено более фундаменталь-

7. *Соболев А. В.* (2024). Фундаментальные проблемы, концепции и области развития кооперативов // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. № 4. С. 30.
8. *Куракин А. А.* (2023). Потребительская кооперация на селе: причины неудач. Рецензия на книгу: Антонова М. П., Гатаулина Е. А., Потапо-

ными факторами, имеющими социально-экономическую и историческую природу, преодолеть которые существенно тяжелее, чем пробелы в законодательстве. Куракин ставит провокационный вопрос: «А нужна ли сельская кооперация, если население в ней не заинтересовано?» Однако он же отмечает, что кооперация — это не физиологическая потребность, которая самоочевидна для организма. Точно так же как людей обучают грамоте, кооперация нуждается в пропаганде и положительных примерах. Это прекрасно понимали еще российские теоретики кооперации начала XX века.

Название книги — «Блеск и нищета российской кооперации» — метафорически точно описывает траекторию движения. «Блеск» — впечатляющая экспансия (первое место в мире по темпам роста к 1914 году), развитая теоретическая школа (Туган-Барановский, Чаянов, Кондратьев), масштабная организационная структура, охватывавшая к 1914 году около 18,6 млн человек. «Нищета» — структурная зависимость от государства, разрыв между идеологией и практикой, неспособность стать автономной силой гражданского общества, трагический финал в виде сталинской коллективизации. Однако это описание не учитывает того факта, что 17 миллионов членов кооперативов к 1914 году — слишком большое число, чтобы объяснить его только административным принуждением и материальными стимулами. Вероятно, кооперативное движение было более гетерогенным, чем представляет Сафронова.

Название книги Сафроновой отсылает не только к историческим реалиям российской кооперации, но и к знаменитому роману Оноре де Бальзака «Блеск и нищета куртизанок». Эта литературная аллюзия глубоко символична. Критики кооперации часто подчеркивали сервильный, обслуживающий характер кооперации в интересах либо капиталистического рынка, либо социалистического государства. С этой точки зрения замечательные кооперативные организации оказываются как бы «куртизанками», обслуживающими не просто своих кооперативных членов, но своих истинных хозяев (капитализм или социализм) и зависящими от них. Подобно героиням Бальзака, российская кооперация демонстрировала внешний «блеск» успешности и респектабельности, скрывая внутреннюю «нищету» несвободы и зависимости. Эта метафора подчеркивает двойственность положения кооперативного движения: формально провозглашая автономию и самоуправление, оно фактически оставалось инструментом в руках более могущественных сил.

Книга оставляет без ответа ряд важных вопросов. Какова была степень автономии самих крестьян и рабочих — насколько они были пассивными объектами воздействия, а насколько активными субъектами, использовавшими кооперативы для реализации соб-

ва А. А., Скоморохов С. Н. (2022). Почему не развивается сельскохозяйственная потребительская кооперация в России? // Крестьяноведение. Т. 8. № 1. С. 168.

ственных стратегий? Почему в одних регионах России кооперативы сохранялись и развивались, а в других быстро исчезали? Какова роль гендерного фактора в кооперативном движении? Как различались модели кооперации на западных окраинах империи (Польша, Прибалтика, Финляндия), в Средней Азии, на Кавказе, в Сибири? Эти вопросы требуют дальнейших исследований.

Любовь Овчинцева в своём обзоре конференции, посвященной Международному дню кооперативов 2025 года, отмечает, что на примере развития кооперации в сельском хозяйстве были проанализированы проблемы развития кооперативов: дефицит управленческих кадров, необходимость создания скоординированной системы кооперативного образования, распространения информации, формирования кооперативной базы данных[9]. Эти проблемы имеют глубокие исторические корни, уходящие в период, исследованный Сафроновой. Вопрос о том, почему российская кооперация так и не смогла создать устойчивую систему низовой самоорганизации, остаётся открытым.

Монография Сафроновой представляет значительный вклад в историческую социологию российской модернизации, несмотря на отмеченные недостатки. Книга обязательна для чтения исследователям кооперации, крестьянства, истории российской модернизации, гражданского общества и социальных движений. Она открывает новые перспективы для изучения взаимоотношений власти и общества в России, заставляя критически переосмыслить устоявшиеся представления о природе самоорганизации и роли государства в её развитии. Вместе с тем критические замечания Мерля и данные современных исследований российской кооперации требуют существенной корректировки основных выводов Сафроновой. Будущие исследования должны сочетать анализ дискурсов элит с изучением реальных практик рядовых членов кооперативов, учитывать региональное разнообразие и институциональную гетерогенность российского кооперативного движения.

Between “agents of modernization” and peasant initiatives: Unresolved issues in the history of Russian cooperation

Book review: Safronova A. (2024) Splendor and Misery of Russian Cooperatives. How the People Were Accustomed to Modernity, 1860–1930, Moscow: NLO.

Artem N. Zubkov, Chairman of the Voronezh Regional Duma Committee on Local Government and Mass Communications. Kirov St., 2, Voronezh, 394018, Russia. E-mail: art-zubkov@yandex.ru

9. *Овчинцева Л. А.* (2025). Международный день кооперативов 2025 // Крестьяноведение. Т. 10. № 3. С. 356.